

УДК 1+39:316

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.3.018

СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОГО ЭТНИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ОБЩЕСТВА

В.А. Михайлов, С.В. Михайлов

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Исследуются основные тенденции развития русского этнического сознания в контексте коэволюционных связей этнического и социального. Анализируются особенности русского этнического сознания на главных этапах его исторического развития. Рассматриваются различные социальные страты в социальной структуре общества, их специфическая роль в становлении и развитии русского этнического сознания. В статье показано, что уникальность интеллигенции как социальной группы и ее вклада в последовательное развертывание этносознания связаны, прежде всего, с особым местом в социальной структуре и духовном производстве российского общества.

Ключевые слова: *интеллигенция, нация, социальная структура общества, социальная общность, этническое сознание, этногенез, этнос.*

Этническое сознание выступает как составная часть общественного сознания. В сравнении с другими типами и формами группоцентричного сознания оно имеет свои важные особенности. Например, меняются религии, культурные нормы, политические идеологии и т. д., но этноориентированное самочувствие все время присутствует в истории, ибо субъект этнического самосознания ведет непрерывную работу по реконструкции своей этнической истории из кусков прошлого («постоянный плебисцит» по Э. Ренану), а этнос тем самым осознает себя вечным. Любой человек может заглянуть внутрь своих семейных глубин лишь на 4–5 поколений, но – как «русский» или «татарин» – он вдруг обнаруживает способность отыскать себя в самых темных уголках истории. Тем самым этническое сознание предстает как глубочайший вид исторической памяти.

В силу исконной исторической глубины этносознание выступает как самое стабильное и одновременно самое изменчивое мироощущение. Внутри него и рядом с ним происходят колоссальные коллизии (социально-классовые столкновения, религиозные и гражданские войны и т. п.), но оно преодолевает любые из них; оно обычно «спит», забитое другими социальными потребностями и интересами, но легко «просыпается» (термины «национальное возрождение» и «национальное движение» говорят в этом отношении сами за себя). В силу этого на каждом этапе своего исторического развития этническое сознание неизбежно наделено уникальными чертами.

Оно всегда состоит из нескольких «мы» (прошлое, настоящее и будущее в развитии этноса), каждое из которых при определенных исторических обстоятельствах могло бы состояться или не состояться, быть таким и стать другим. Так, древнерусская народность, с одной стороны, не превратилась в одну-единственную русскую нацию, а дала целых три национальные группы. С другой стороны, на базе древнерусской народности выросло всего лишь три нации, а могло быть и большее количество (в период феодальной раздробленности существовало большое количество отдельных княжеств).

Этническое сознание всегда включает в себя диалектику «мы – они». Например, «этнический» словарь Ветхого Завета оперирует словом «наш» (народ, 'ам) около 1800 раз, а количество упоминаний о «них» свыше 550. То есть данная форма коллективного «изма» изначально формируется и в последующем функционирует на различении и противопоставлении «мы – они». Как удачно сформулировал Ю.В. Бромлей [2], «этнос – категория сопоставительная», т. е. осознание и продвижение единства происходит на фоне осознания своего отличия от всех других этносов и даже намеренного отделения от них. Пока нет разделения с «ними», до тех пор нет «нас», т. е. объективно существующее единство не может субъективно актуализироваться. Тот же первоначальный этноним древнерусской народности («русский язык») появляется вместе и на фоне противопоставления им («немцы» и др.).

Следует различать этническое сознание и самосознание. Каждый новый этап в развитии этнического «мы» сопровождается и даже предопределяется появлением и укреплением на исторической арене нового субъекта этнического самосознания. Например, в период формирования Киевской Руси и древнерусской народности это были князья и церковь, а в эпоху складывания Московской Руси и великорусской народности – дворянство и чиновничество. Активное меньшинство всегда привносит в народное сознание новые отправные социокультурные признаки и элементы (например, навязывает христианство вместо язычества – при формировании древнерусской народности; проводит идею народного суверенитета вместо идеи самодержавного суверенитета – в период формирования наций и пр.).

В качестве содержания этнического сознания выступают разнообразные этномаркеры, которые выполняют функции закрепления этнических ценностей и символизации этнической общности. Можно отметить историческую синхронизацию: при переходе к новому типу этноса мы наблюдаем связку этноса с новым субъектом этноса, с новой ведущей этнодетерминантой, новой структурой этнического сознания, в которой появляется новый заглавный этномаркер.

Ясно, что историческая эволюция этнического сознания любого народа синхронизируется в пространстве и времени с определенной экономической, политической и культурной средой, а также с соответствующей социальной структурой общества, ее отдельными социальными группами. В качестве достаточно показательной демонстрации этого можно кратко

проследить коэволюционные взаимосвязи в развитии семьи как малой социальной группы и этноса как большой социальной общности.

Первобытный строй вообще не знает семьи в современном значении этого слова, ибо парная семья здесь не выполняет своих главных социальных функций, а брак (экзогамно-дуальный) и родство (кровное) даже противостоят друг другу. В родовом сообществе брак не ведет к установлению родства. Главным пока является общность происхождения (в общественном сознании господствует общеродовая генеалогия, культивируется миф о происхождении от общего предка), а не происхождение одного человека от другого (линейно-степенная генеалогия, которая будет играть первенствующую роль позднее, а именно при укреплении института частной собственности).

Можно сказать, что индивид еще не выделился из группы, а семья и этнос пока не отделились друг от друга: род – это община, семья и этнос одновременно. В этом отношении термин «этноцентризм» нужно трактовать конкретно-исторически, а именно как родоцентризм. И пока семья и этнос будут поглощены родом, до тех пор нельзя говорить о семье и этносе в современном значении этих слов. Этнос родоплеменного сообщества отличается от последующих типов своей исторической эволюции по крайней мере двумя заметными чертами: базируется на кровнородственных связях и не выходит за пределы малой социальной группы. В целом, данная стадия этнического развития весьма противоречива с точки зрения тенденций последующих этапов этногенеза: при ярко выраженном этноцентризме этническое самосознание или полностью отсутствует, или не вполне адекватно (с точки зрения общепринятых этномаркеров).

Особый интерес представляет эпоха движения этноса от рода – племени – союза племен к народу (народности), когда индивид получает некоторую самостоятельность в отношении уже множественных группоцентризмов, а семья из социобразующего начала превращается в одну из подчиненных субструктур общественной организации. Наметилась тенденция: чем дальше «народ» уходил от «рода», тем меньшее значение (в качестве этнодетерминанты) играло кровное родство. Оно постепенно суживает ареал своего социального значения – от него отпадают религиозные, хозяйственные, социальные и другие способы взаимодействия людей. Начинает править не возраст, а класс или сословие. Знаменательный факт: сегодня многие названия кровных степеней родства или забылись, или изменились до неузнаваемости.

Итак, каждый новый субъект этнического самосознания формирует новую совокупность и иерархию этномаркеров. Так, в борьбе за древнерусскую государственность князьям – в борьбе за укрепление и распространение нового «мы» («русская земля») – пришлось преодолеть два всемогущих в прошлом этнических маркера: более широкий («славяне») и более узкий («словене», «кривичи» и т. д.). При этом совокупный субъект народностного типа этнического сознания предстает как национально уязвимый: мо-

нархи подходят к государству политически, а не этнически (многие средневековые династии очень часто состояли из инородцев). Это было предопределено, прежде всего, тем, что народностная форма этноса повсеместно коррелирует с сословным устройством общества. Сословность стала серьезным барьером в деле формирования чистого национального сознания. Так, сельскохозяйственное население, являясь основной производящей массой, не смогло выступить субъектом этнического самосознания. Великорусские исторические песни XIV–XVII вв. начисто лишены общенационального пафоса, зато переполнены социально-классовым духом: в героях ходят разбойники и изгои.

Наиболее крепко этносамосознание древнерусской народности оказалось связанным с *крестьянством*. Однако на всем длинном пути от рода к народу (народности), а от него к нации сельскохозяйственное население, оставаясь основной демографической и производящей массой, не выступало субъектом этнического самосознания. Будучи основным носителем этнического сознания, крестьяне практически так и оставались в рамках узко-территориального самосознания («мы – тутошние», «мы – тверские» и т. п.). Даже освобождение крестьян и относительное уравнивание в правах с другими категориями населения не повлияло на протекавшие этнообразующие процессы: лидирующая роль в экономике перешла к другим классам, а политической силы крестьянское сословие так и не получило. Таким образом, социально-экономическое, политическое и культурное неравенство крестьянского сословия обусловило историческую неполноту национального потенциала данного социального слоя.

Специфические особенности древнерусской народности в определенной степени обуславливались образом жизни *боярства*. Боярство – это вотчинное владение землей, вассальный принцип службы. Эти и прочие стороны образа жизни боярства в целом препятствовали движению к новым формам этнической жизни населения. Уже к XIV–XV вв. свобода и права бояр существенно ограничиваются, в конце XV в. следует отмена права отъезда вассала от сюзерена. После опричнины Ивана Грозного боярство быстро сходит на нет как одна из ведущих страт в социальной структуре общества. Последнее упоминание о Боярской думе относят к 1704 г.

Хронологически начало складывания великорусской, малорусской и белорусской наций обычно и связывают с XIV–XV вв. [5]. Так, со второй половины XIV в. русские земли во главе с Московским княжеством уже именуется «Великой Русью», а в конце XIV в. начинают встречаться первые упоминания слова «отечество» в таких значениях, как «родина» и «родная земля». В рамках данной статьи важно проследить именно эволюцию социальной структуры российского общества в период формирования и укрепления русского национального сознания, а также последовательную смену ведущих социальных страт, знаменательных инноваций во всех областях общественной жизни.

Выдвижение дворянства в ведущий класс практически совпадает с началом превращения древнерусской народности в русскую нацию. Тем не менее русская нация при дворянах все еще остается без своего национального самосознания. Дворяне в основной своей массе долгое время не могли и не хотели отождествлять себя с другими членами русского этноса (им было просто не выгодно). Это было основной причиной, вследствие которой выходящее за пределы народностного самосознания дворянство так и не превратилось в главного субъекта национального самосознания. Тем более что оно, являясь социальной базой монархии в России, уже в начале XVIII в. было сориентировано на антинациональные, а именно на имперские ориентиры (в 1721 г. Петр I принял титул Отца Отечества, Императора Всероссийского).

При рассмотрении этногенеза русского народа нельзя не затронуть место и роль *духовенства* в историческом развитии этнического сознания. Очень долго митрополит «всех Руси» был единственным представителем древнерусской народности и русских земель. Известный девиз «За Веру, Царя и Отечество» весьма точно фиксирует хронологическую последовательность развертывания русского национального самосознания. Он имеет весьма долгую предысторию. «В допетровские времена воины шли в бой за «землю Руськую» («Слово о полку Игореве»), «за землю за Рускую и за веру христианьскую» («Задонщина»), «за Дом Пресвятыя Богородицы и за православную христианскую веру» (приговор Первого ополчения 1611 г.), за «государскую честь» (приговор Земского собора 1653 г.)» [3]. Однако и духовное сословие (в силу космополитизма своей идеологии и закрытости церковной организации), несмотря на свою огромную роль в исторических пертурбациях русского этнического сознания, как и другие средневековые сословия, не смогло стать носителем общенационального самосознания. Примечательно здесь то, что приведенный девиз – это девиз не духовенства, а русского воинского сословия, которое очень быстро от службы государю перешло ментально к служению государству.

Христианство поспособствовало ликвидации этнокультурных различий между этническими группами, входившими в Древнерусское государство. Оно закрепило новое, надплеменное (народностное) «мы» («Русьская земля», «Русьский язык»), противопоставленное – и в первую очередь именно на религиозной почве – многочисленным «им», «поганым», «латинянам» и т. д. Становление нового этапа в развитии русского этнического сознания изначально преломилось через конфессиональный маркер. Канонизация Бориса и Глеба положила начало «своим» святым. Образы святых постепенно полностью заслонили образы пращуров.

Христианизация, которая осуществлялась при активном участии политических сил, также существенно укрепила новый государственный порядок. Если язычник Святослав еще пытался соорудить общеславянскую державу, то его сын, христианин Владимир, претендовал уже только на строительство Русского государства. Церковники и князья в борьбе против

общего врага (языческой племенной аристократии) сплотились сами (князья возвели христианство в государственную религию, а христианство обосновало, что «нет власти не от Бога») и сплотили (крестом и мечом) Русь. Характерно, что вплоть до XVII в. в самой государственной символике России господствовали религиозные атрибуты: Спас Нерукотворный на военных стягах, Георгий Победоносец на гербах и др. Династическая символика (родовой герб Романовых др.) не сыграла почти никакой роли в становлении национально-государственных символов.

Православие потому так глубоко вошло в русскую жизнь, что входило в нее вместе с окультуриванием народа (письменность, образованность, градостроительство и т. д.). Резкое увеличение внешних контактов, новый стиль мышления, вхождение в семью европейских народов («Яфетово племя») означали приобщение к мировой культуре. Изменяется родословная народа: не предок (Род) и не культурный герой (Вятко, Кий и т. п.), а три сына Ноя теперь встают у истоков исторической памяти. Формируется историческое сознание («Откуда есть пошла Русская земля»), преодолевающее родо-племенную центрацию (замкнутость) и узкий горизонт. Характерно, что первое же произведение древнерусской литературы конца X в. («Речь философа») посвящено истории мира. Само появление летописания (вторая половина XI – начало XII вв.) – яркое свидетельство становления нового мировоззрения.

Нерасчлененные и ограниченные представления о вселенной и социуме уступают место многоярусной модели мира. Мир перерастает «мир» (поселок). Вставка об апостоле Андрее в «Начальный свод» летописи 1116 г. – это уже сознание того, что «русская земля» не хуже других христианских земель. Изменяется мораль: грабеж и убийство подпадают под понятие греха. Церковь налагает запрет на держание в рабстве христианина. Полностью ликвидируются человеческие жертвоприношения. Для всего этого потребовалось расщепление первобытного синкретизма социальных форм общежития. Бывшие ценности, поддерживаемые лишь моральной санкцией и традицией, поникнут под принудительным (правовым) давлением новых порядков.

Почему вера в средневековой России явилась главным этномаркирующим фактором? Одна из главных причин состояла в том, что после середины XVI в. Московское государство стремительно превращается в империю и состав верхов становится полиэтничным. При этом сам этнический фактор рассматривается как неважный и дестабилизирующий. Иван Грозный вполне мог себе позволить заявление «Я не русский, а немец». Именно Русская православная церковь разрушила родо-племенное языческое сознание, заложила под новое этническое «мы» базу в виде религиозного маркера, сформировала устойчивую историческую память, ввела четкое базовое противопоставление «мы – они». Вместе с тем следует особо отметить, все мировые религии по своему группоцентричному потенциалу намного превосходят любой этнический группоцентризм. Отсюда следует важный

вывод: только в до- и постнациональный периоды этногенеза мировые религии могли (и, вероятно, смогут) наиболее полно реализовать свой космополитический мировоззренческий потенциал.

Буржуазия везде и всюду становилась важным субъектом становления новой и именно национальной идеологии. К концу XVIII – началу XIX вв. сословная корпоративность и незыблемость дворянства в России как «главного в государстве члена» заколебалась. Уже в 1816 г. «личные дворяне» (выходцы из других сословий) уже составляли 44 % общего числа дворян империи. Буржуазные устремления обладали огромным нациообразующим потенциалом: налаживались общенациональные экономические связи, продвигалось общеуравнивающее правовое состояние, отстаивалась идея национального государства и проч. Однако сама по себе (без других элементов коллективного субъекта национального самосознания) буржуазия не способна породить «национальную» общественную среду, ибо у нее тоже есть свое особое «отечество», не совпадающее с Отечеством: ради прибыли буржуа всегда готов изменить национальному самосознанию (в перспективе буржуазия будет становиться одним из проводников глобалистской идеологии как новой, уже постнациональной формы этнического сознания). Для буржуазии, в отличие от той же творческой интеллигенции, этническая самоидентификация выступает как средство, но не цель. Поэтому буржуазия в один исторический период формирует национальное государство, а в другой – она его так же успешно разрушает.

В России буржуазный класс оказался слишком малочисленным и сравнительно слабым как в политическом, так в идеологическом плане. Именно слабостью данного класса можно объяснить аморфность национального сознания большинства народов Российской империи на момент буржуазных и социалистических движений. Кстати, почти все, отмеченное про российскую буржуазию, можно сказать также и о российском *рабочем классе*. Для переломных в этническом отношении XVII–XVIII вв. все еще была характерна ведущая роль мелкой промышленности. А когда в XIX в. российский рабочий класс начнет превращаться в один из ведущих классов общества, он уже окажется под сильным влиянием не буржуазно-национальной, а интернационально-социалистической идеологии.

Важно заметить, что характерная особенность этапа нациообразования состоит в том, что этноконсолидирующие детерминанты впервые начинают действовать синхронно и скоординировано. Ранее разрозненные этномаркеры (в аграрном обществе у различных социальных групп в основе чувства «мы – группа» лежат различные маркеры: у крестьян территориальный, у чиновничества – государство и т. д.) начинают объединяться. Этническое сознание как бы завершает свое становление и впервые получает совершенно самостоятельное значение в структуре общественного сознания.

На авансцену истории выходит новый субъект этнического самосознания. Многие мыслители отмечали, что буржуазия обычно формирует

«тело» нации, а *интеллигенция* вдыхает в это тело «душу». Этот тот социальный слой, специфическим предметом труда которого становятся как раз этнонациональные компоненты общественной жизни (общенациональный язык, общенациональная культура и т. п.). Таким образом, если до «нации» различные субъекты этнического самосознания лишь эксплуатировали идею этнического единства (московское обоснование войн с Литвой и Польшей ради общерусского воссоединения), то с началом формирования наций появляется целый класс людей, готовых подчинить сами социальные идеи и институты задаче укрепления национальной идеи и становления национального государства.

Как правило, интеллигенция начинает играть свою историческую роль уже на финальной стадии превращения народности в нацию, когда к имеющемуся территориальному, экономическому, политическому и прочему единству требуется добавить идеологическое, социально-психологическое и культурное единение. Переплавив фольклор в общенациональную литературу, сплавив региональные говоры в общенациональный язык и объединив корпоративные потребности в общенациональный интерес (рубеж и критерий – появление отчетливой «русской идеи») становящаяся национальной интеллигенция оказывается заглавным субъектом национального самосознания.

П.Д. Боборыкин, который ввел в широкий оборот слово «интеллигенция», в своем романе «Солидные добродетели» пишет: «Под интеллигенцией надо разуместь высший образованный слой общества как в настоящую минуту, так и ранее, на всем протяжении XIX в. и даже в последней трети XVIII в.» [1]. Отсюда пошло понимание интеллигенции как такой специфической социальной группы, которая профессионально занимается умственным трудом, постоянно направляет свои усилия на развитие и распространение национальной культуры. Однако широко представлен и иной подход к анализу природы и исторической роли интеллигенции в развитии российского общества. Например, П.Л. Лавров в работе «История и русские революционеры» назвал русскую интеллигенцию «классом по преимуществу оппозиционным, а затем и революционным» [6, с. 214], подчеркивая ее антагонистическую сущность.

Российская интеллигенция явилась своеобразным социальным маргиналом. И хотя исторически именно она была призвана преодолеть культурную пропасть между верхами и низами и создать единое культурное пространство, тем не менее ей этого так и не удалось сделать. Симптоматично, что «русская идея» с самого начала формировалась как вненациональная идея – это была имперская (Ф.И. Тютчев, К.Н. Леонтьев и др.), религиозная (славянофилы, В.С. Соловьев и др.), социальная (западники, народники, социалисты и т. д.) и прочие не совсем чистые националистические идеологии. В этом сказался, в первую очередь, внесловный, внеклассовый, разноточный характер российской интеллигенции. Являясь по своей сути и по своему историческому призванию духовным посредником между другими классами и сословиями, интеллигенция в силу своей внутренней природы в

принципе не может слиться и полностью идентифицироваться ни с одной из социальных страт общества. Р.В. Иванов-Разумник подчеркивал: «Интеллигенция, как внеклассовая группа, есть группа крайне разнородная и отнюдь не связанная одной общей идеологией» [4, с. 150].

Таким образом, главная проблема интеллигенции (беда, трагедия, призвание и т. п.) как субъекта национального самосознания состоит в следующем. Во-первых, она есть отражение и выражение «мы-человечества» (вспомним идеи Ф.М. Достоевского, В.С. Соловьева и других о всемирном призвании русского народа). Во-вторых, она есть отражение и выражение «мы-нации», «мы-государства», «мы-религии» и иных корпоративных группоцентризмов (что предопределило раскол российской интеллигенции на враждующие идейные группы и отвлекло от национальной идеи). В-третьих, интеллигенция есть отражение и выражение «Я», т. е. индивидуализма и творческого начала (что обеспечило постоянное дистанцирование любого крупного представителя творческой интеллигенции от любого массового группоцентризма). Интересно, что становление национального самосознания связывается обычно не столько с интеллигенцией вообще, сколько с творческой интеллигенцией (кстати, это еще раз было продемонстрировано развернувшимися в 1980–90-х гг. «советскими»-антисоветскими национальными движениями).

Последствия особого места интеллигенции в социальной структуре общества были многочисленны:

1. Консервативная, охранительная функция русской интеллигенции была заужена до минимума. Так, практически всем крупным представителям русской интеллигенции пришлось пройти через увлечение радикализмом, и лишь после революционных потрясений в среде русской интеллигенции сформировались некоторые консервативные начала. Отсюда выйдут такие ярые государственники, как К.Н. Леонтьев, И.А. Ильин и др.

2. Дело идейного и социального созидания осмыслялось и осуществлялось в виде разрушения: в России как нигде оказались сильными нигилизм, терроризм и прочие отрицательные силы. Известно, что многие представители дворянской интеллигенции выступили против основополагающих привилегий собственного класса. Например, И.С. Аксаков предложил целый проект самоупреждения дворянства как сословия. Многие представители разночинной интеллигенции активно выступили против православия и монархической государственности российского общества.

3. Лозунг борьбы за социальные права выдвинулся на первое место. Поэтому национальные, религиозные и подобные интересы оказались отложенными или вообще отвергнутыми русской интеллигенцией. Все это дало повод Г.П. Федотову и многим другим русским мыслителям говорить о безнациональном отщепенстве и роковой беспочвенности русской интеллигенции.

Оторванность от социально-классовых интересов, презрение к узконациональным пристрастиям, дистанцирование от церковно-корпоративной зашоренности и прочие «надпочвенные» устремления стимулировали многочисленные «беспочвенные» идейные прожекты, социальные утопии

(вспомним тютчевский вариант решения балканского вопроса или славянофильские мечты об особой миссии русского народа). В этих условиях распространяющиеся среди интеллигенции идеи, как правило заимствованные на Западе, но не апробированные на родной почве, оставались без адекватной социальной базы и уносились гораздо дальше, чем это предполагалось у соответствующих идейных доноров. Например, буржуазный строй предполагалось ввести без буржуазного мешанства, небуржуазный строй – построить на безгосударственных началах, а социализм – разбавить несоциалистическими примесями (в последнем дневнике Ф.М. Достоевского русский социализм – это просто вера в церковь). Интересно размышление Ю.С. Степанова о причинах социального мифотворчества русской интеллигенции: «По внутренней форме, это слово – от лат. *intelligentia* – означает “высшую ступень сознания, самосознания”, и русская интеллигенция – уникальный случай, когда “класс” (или “прослойка”...) выделен в обществе и назван по этому признаку» [7, с. 610]. Если исходить из подобной этимологической трактовки данного термина, то понятно, почему русская интеллигенция всегда претендовала на государственный разум и даже – как субъект общенационального самосознания – на его замещение.

В заключение надо отметить, что тип социальной структуры не только задается количеством и качеством (иерархией) ее структурных элементов, но определяется также характером главной социальной страты. Социообразующий слой в до- и индустриальных обществах выступает субъектным воплощением ведущей отрасли народного хозяйства. В постиндустриальном обществе характер, а значит, и место системообразующей страты кардинально изменяются: когнитариат отличается от пролетариата хотя бы уже тем, что связан со всеми без исключения отраслями народного хозяйства и сферами общественной жизни, т. е. у него нет социального антипода и его социальный статус не может выступать точкой социального отсчета (по вертикали или горизонтали).

В настоящее время можно наблюдать многократное увеличение количества социальных групп за счет перемешивания и сегментирования традиционных социальных общностей. При этом большинство прошлых больших и малых социальных групп существенно меняет свои качественные характеристики. Преобразуется архитектура социальной структуры. Например, мировое сообщество становится самостоятельным субъектом исторического действия и превращается в одну из несущих конструкций всего социума. Появляются новые наднациональные «мы»-ориентиры («гражданин мира», «европеец», «советский человек» и др.). Индивидуальное «Я» напрямую входит на единое общечеловеческое «Мы» или на ждущие своего возрождения некоторые прошлые группоцентризмы (славянский мир, тюркский мир и т. п.).

Список литературы

1. Боборыкин П.Д. Солидные добродетели [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/boborykin_p_d/ (дата обращения: 27.09.2023).
2. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983. 412 с.
3. Гайда Ф. «За Веру, Царя и Отечество»: к истории знаменитого воинского девиза [Электронный ресурс]. URL: <https://pravoslavie.ru/61882.html> (дата обращения: 26.09.2023).
4. Иван Об интеллигенции; Что такое махаевщина; Кающиеся разночинцы / 2-е изд. СПб.: тип. М.М. Стасюлевича, 1910. 220 с.
5. Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция 8 [Электронный ресурс]. URL: https://statehistory.ru/books/Vasilij-Klyuchevskiy_Kurs-russkoj-istorii/8 (дата обращения: 20.09.2023).
6. Лавров П.Л. История и русские революционеры // Русская идея. М.: Республика, 1992. С. 205–225.
7. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. М.: Языки русской культуры, 1997. 824 с.

THE FORMATION OF RUSSIAN ETHNIC CONSCIOUSNESS AND THE SOCIAL STRUCTURE OF SOCIETY

V.A. Mikhailov, S.V. Mikhailov

Tver State University, Tver

The article examines the main trends in the development of Russian ethnic consciousness in the context of co-evolutionary relations of ethnic and social. The features of the Russian ethnic consciousness at the main stages of its historical development are analyzed. The article considers various social strata in the social structure of society, their specific role in the formation and development of Russian ethnic consciousness. The article shows that the uniqueness of the intelligentsia as a social group and its contribution to the consistent development of ethnic consciousness is primarily associated with a special place in the social structure and spiritual production of Russian society.

Keywords: *intelligentsia, nation, social structure of society, social community, ethnic consciousness, ethnogenesis, ethnos.*

Об авторах:

МИХАЙЛОВ Валерий Алексеевич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь. E-mail: Mikhaylov.VA@tversu.ru. ORCID: 0000-0002-1534-0994, Spin-код: 9854-2220.

МИХАЙЛОВ Сергей Валерьевич – доцент, кандидат философских наук, доцент кафедры социологии ФГБОУ ВО «Тверской государственной университет», г. Тверь. E-mail: Mikhaylov.SV@tversu.ru. ORCID: 0000-0002-0584-0530, Spin-код: 9375-7480.

Authors Information:

MIKHAILOV Valery Alekseevich – PhD (Philosophical Sciences), Professor, Head of the Department of Sociology, Tver State University, Tver. E-mail: Mikhaylov.VA@tversu.ru. ORCID: 0000-0002-1534-0994, Spin-code: 9854-2220.

MIKHAILOV Sergey Valerievich – PhD (Philosophical Sciences), Associate Professor, Associate Professor of the Department of Sociology, Tver State University, Tver. E-mail: Mikhaylov.SV@tversu.ru . ORCID: 0000-0002-0584-0530, Spin code: 9375-7480.

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.08.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 10.09.2023.